

С. М. Прохорова (Минск)

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОМИНАНТНЫХ КОНЦЕПТОВ

Город Вильнюс, выросший естественно в центре Европы как последняя столица Великого княжества Литовского, стал культурным концептом в литовском, белорусском и польском языках.

В Великом княжестве Литовском это не только столичный, но и сакральный город (достаточно вспомнить легенду о его происхождении).

В настоящее время для выражения денотата 'столица современной Литвы' в литовском, белорусском и польском языке используется один языковой знак *Vilnius*, для обозначения доминантных концептов – три языковых знака – *Vilnius*, *Вільня*, *Wilno*. У этих концептов есть общие для трех языков фасеты, но вместе с тем только литовские, только белорусские и только польские.

Для описания литовской и польской концептуализации мы использовали в основном переписку писателей Чеслава Милоша и Томаса Венцловы [1], для описания белорусской концептуализации привлекаются произведения белорусских поэтов и писателей, в том числе из сборника призывов, посвященных Вильнюсу [2]. Таким образом, материал для белорусской концептуализации значительно более полный, что позволило выявить ее литературные истоки. В то же время литовская и польская концептуализация представлена широко прецедентными авторами.

К общим фасетам концептов в трех языках относятся смыслы: «многонациональный город в центре Европы»; «мультикультурный город, общающийся не на одном языке»; «университетский европейский город»; «красивый город, имеющий ценные для всего мира исторические памятники культуры».

Для литовцев и белорусов – это «сакральный город»; «Иерусалим»; «столичный город»; «город – прототип (лучший образец)»; «город общей литовской и белорусской истории».

Отдельными культурными концептами для литовцев и белорусов стали *Острая Брама*, *Погоня*, *Замковая гора*, *костел святой Анны (святая Анна)*.

Для белорусов Вильня концептуализируется как «город белорусского Возрождения»; «город науки, в том числе белорусской»; «город белорусской книги (Ф. Скорина) и белорусского языка»;

«город белорусской поэзии». Концептуализация Вильни видится белорусу в тесной связи с Минском.

Для литовцев – это «королевский и святой Вильнюс, силой оторванный от родины»; «символ исторической непрерывности и единства»; «литовско-русский анклав во времена советской власти, а следовательно – провинция»; «столица демократической Литвы в настоящее время».

Для поляков – это «неотделимый от польской культуры город»; «причудливый город перемешанных, пересекающихся полос»; «экзотический город»; «в прошлом анклав и провинция».

Как видим, концепт имеет как постоянную часть, так и динамическое развитие

Динамика характеризует прежде всего литовский концепт. В частности, для приехавшего после войны из Каунаса Т. Венцловы (род. в Клайпеде) *Вильнюс – хаос*, в котором его посетило «ощущение ненормальности, вывихнутости мира», город был, по Т. Венцлове, *бандитским и опасным*, население – *настоящая магма, пролетариат и люмпены* с отдельными вкраплениями *бывшей интеллигенции и старых виленских литовцев*. В городе «никто не говорил по-литовски», подчеркивает Т. Венцлова.

Вместе с тем Т. Венцлова верил в 1978 г. в то, что «Вильнюс станет столицей демократической Литвы» и что «без Вильнюса Литва – эфемерное государство, а с Вильнюсом она обретает все свое прошлое и всю историческую ответственность» [1].

Для носителей польского языка *Вильно* важен как один из городов, где активно развивалась польская культура. Очень важен, конечно же, этот концепт для поляков – выходцев из этого города.

Нобелевский лауреат Чеслав Милош провел в Вильно отроческие годы, подчеркивал, что ореол Вильнюса ощущает почти физически [1]. Он писал: «Вильно неотделимо от истории польской культуры – из-за Мицкевича, Словацкого, Пилсудского». Чеслав Милош постоянно пробовал найти постоянные черты города, несмотря на перемены, которые он фиксировал и отмечал, что во время его отрочества это был анклав.

Концептуальная константа Вильнюса, по Ч. Милошу, университет: «По милости Александра I существовал лучший университет Империи». Ч. Милош отмечал, что в Вильнюсском университете

преемственность чувствовалась сильнее, чем в других польских, кроме разве Ягеллонского в Кракове.

Концептуализируя *Вильню*, Ч. Милош сопоставляет его с *Варшавой* и пишет: «По сравнению с Вильню Варшава была уродливым городом... меня Варшава привела в ужас», там была, по Милошу, «язва нужды». Но Варшава, в отличие от Вильню, «уже жила в XX веке», хотя, пишет Милош, «куда Варшаве до цивилизованных городов, таких, как прелестная чешская Прага».

Истоки культурного белорусского концепта восходят к творчеству Максима Богдановича и Якуба Коласа. Вильню посвящал стихотворения и Янка Купала [2, с. 81–88], но он не концептуализировал город, выделяя только Замковую гору как его центр [2, с. 83–84].

Максим Богданович использовал для названия города два языковых знака – *Вильня* и *Вильна*, которые В. Н. Топоров относил к наиболее древним [3], в то время как Якуб Колас – только *Вильня*.

Языковой знак *Вильня* закрепился как в белорусской поэзии, так и в белорусском фольклоре и фразеологии.

Если Максим Богданович смотрел на Вильню глазами горожанина-интеллигента, считавшего, что белорусская культура имеет свои корни не только в деревне, но и в европейском городе, организованном на основе магдебургского права, то Якуб Колас – глазами своего героя дядьки Антося, белоруса-крестьянина. Поэтому профиль концепта Якуба Коласа, состоящий из шести позиций, включает в себя смыслы: «город социальных контрастов»; «город панов, власти для белорусского крестьянина», а в силу этого «опасный город», в то время, как Максим Богданович выделяет семь позиций, при этом для него важно, что это «город науки, в том числе белорусской»; «город белорусской книги (Ф. Скорина) и белорусского языка»; «город белорусской поэзии и белорусской культуры»; «город белорусского Возрождения». У обоих поэтов совпадают позиции «Вильня – город-прототип, очень красивый город»; «город славной и таинственной истории» и «Вильня – сакральный город» [4].

В поэзии Максима Богдановича отдельными культурными концептами становятся *Острая Брама*, *Погоня*, *костел святой Анны*, в творчестве Якуба Коласа вслед за Янкой Купалой – *Замковая гора*.

Сакральность *Вильни*, по Максиму Богдановичу, и в тесной связи с Минском, концептуализация которого в его поэзии чаще вы-

ступает на уровне вертикального контекста, т. е. эксплицитно не выражена.

Концептуализация *Вильни* и *Минска* М. Богдановичем оказала большое влияние на белорусскую интеллигенцию, как научную, так и творческую. До сих пор эти города рассматриваются как культурные концепты, с ними связана идея Белорусского Возрождения.

Название главы поэмы Якуба Коласа «Новая зямля» закрепилось в белорусской фразеологии – *дзядзька ў Вільні*.

Носители литовского, белорусского и польского языков могут иметь также собственные профили культурных концептов *Vilnius*, *Вільня*, *Wilno*. В концептуальных картинах мира других носителей этих языков такой концепт может отсутствовать, а языковой знак *Вильнюс* используется только в денотативном значении ‘столица Литвы’.

1. Вильнюс польский и литовский. Из переписки писателей Чеслава Милоша и Томаса Венцловы. 1978 <http://Vilnius.atspace.com/story5.html>. Из серии «Они жили в Вильнюсе».

2. Бацькаўшчына. Зборнік гістарычнай літаратуры. Мн., 2001.

3. *Топоров В. Н.* Vilnius, Vilno, Вильня: город и миф // Балто-славянские языковые контакты. М. 1980.

4. *Прохорова С.* Вильня – один из основных концептов белорусской литературы начала XX века // *Studia slawistyczne* 2. Bialystok, 2000.